УДК 321.01
JEL: F52, J15, Z13
EDN: SQCNDA

Оригинальная научная статья
ВАК 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИОРИТЕТОВ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РИТОРИКЕ РОССИЙСКИХ ЭЛИТ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ

Леонид Вячеславович Савинов[1],
Иван Александрович Мик[2]

[1]Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 630102, Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: savinov–lv@ranepa.ru, SPIN-код: 7315-5954
[2]Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), 630102, Российская Федерация, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6, e-mail: mikluha.ia@gmail.com, SPIN-код: 2482-6751

Аннотация. **Введение.** Цель – выявление и обоснование дискурсивной институционализации регионального и образовательного факторов как приоритетных элементов современной российской модели национальной безопасности.

Методы. Выявляются механизмы дискурсивной институционализации, основанные на критическом дискурсивном анализе официальных выступлений, стратегических документов и материалов экспертных дискуссий Президента РФ, Совета Безопасности, Государственного совета, Совета Федерации и Государственной Думы.

Результаты. Рассматривается трансформация представлений о безопасности от экономико-технократической модели конца 1990-х годов, ориентированной на макроэкономическую стабилизацию и инвестиции в человеческий капитал, к суверенитетоцентричной в 2000-е годы, где акцент смещается на геополитические вызовы и межэтническую стабильность, и далее к мобилизационной в 2010-2020-е годы, в которой региональное развитие и образование институционализируются как ключевые компоненты защиты ценностного, демографического и технологического суверенитета. Обосновывается, что риторика элит выступает механизмом формирования иерархии угроз, легитимации власти и нормативного управления, превращая региональные и образовательные аспекты из периферийных социально-экономических ресурсов в самостоятельные элементы системы безопасности. Отмечается переход от фокуса на внешних геополитических вызовах, таких как глобализация и санкционное давление, к внутренним социокультурным факторам, включая патриотическое воспитание как инструмент консолидации общества, профилактики экстремизма и формирования общегражданской идентичности.

Обсуждение. Оценивается роль региональной специфики в обеспечении устойчивости асимметричной федерации, где регионы рассматриваются как источники рисков и ресурсов, требующие координации с федеральным центром. Подчёркивается значимость образования в воспроизводстве человеческого капитала, адаптации к демографическим изменениям и противодействии идеологическим угрозам через мягкую силу. Выясняется недостаточность существующих исследований, доминирующих военно-политическими интерпретациями, которые игнорируют дискурсивные механизмы институционализации. Научная новизна исследования заключается в выявлении результатов трансформации риторики российских политических элит о национальной безопасности в 1997-2025 гг. Впервые показано, что региональный и образовательный факторы институционализируются в официальном дискурсе как приоритетные элементы современной модели безопасности, а также обоснован переход к суверенитетоцентричной и мобилизационной модели, в рамках которой риторика элит формирует иерархию угроз и нормативные рамки политического управления. Результаты позволяют преодолеть разрыв между официальным дискурсом и его теоретическим осмыслением, способствуя глубокому пониманию механизмов государственной устойчивости в условиях геополитического противостояния и внутреннего консолидационного давления.

Ключевые слова: национальная безопасность, политическая риторика, российские элиты, региональное развитие, образование, патриотическое воспитание, суверенитет.

Информация о финансировании: данное исследование выполнено без внешнего финансирования.

Для цитирования: Савинов Л.В., Мик И.А. Трансформация приоритетов национальной безопасности в риторике российских элит: региональное и образовательное измерения. Государственное управление и право. 2026. № 3(11). С. 179-192. EDN: SQCNDA

© Савинов Л.В., Мик И.А., 2026

UDC 321.01
JEL: F52, J15, Z13
EDN: SQCNDA

Original scientific article
HAC 5.5.3. Public administration and sectoral policies

TRANSFORMATION OF NATIONAL SECURITY PRIORITIES IN THE RHETORIC OF RUSSIAN ELITES: REGIONAL AND EDUCATIONAL FACTORS

Leonid V. Savinov[1], Ivan A. Mik[2]

[1]Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 630102, Russian Federation, Novosibirsk Region, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya str., e-mail: savinov–lv@ranepa.ru
[2]Siberian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), 630102, Russian Federation, Novosibirsk Region, Novosibirsk, 6 Nizhegorodskaya str., e-mail: mikluha.ia@gmail.com

Annotation. **Introduction.** Objective – to identify and substantiate the discursive institutionalization of regional and educational factors as priority elements of the contemporary Russian national security model.

Methods. The mechanisms of discursive institutionalization are identified, based on a critical discursive analysis of official speeches, strategic documents, and expert discussion materials of the President of the Russian Federation, the Security Council, the State Council, the Federation Council, and the State Duma.

Results. The article examines the transformation of security concepts from the economic-technocratic model of the late 1990s, focused on macroeconomic stabilization and investment in human capital, to the sovereignty-centric model of the 2000s, where the emphasis shifted to geopolitical challenges and interethnic stability, and further to the mobilization-based model of the 2010s-2020s, in which regional development and education are institutionalized as key components of protecting value, demographic, and technological sovereignty. It is argued that elite rhetoric serves as a mechanism for shaping a hierarchy of threats, legitimizing power, and normative governance, transforming regional and educational aspects from peripheral socioeconomic resources into independent elements of the security system. A shift is noted from a focus on external geopolitical challenges, such as globalization and sanctions pressure, to internal sociocultural factors, including patriotic education as a tool for consolidating society, preventing extremism, and fostering a common civic identity.

Discussion. The role of regional specifics in ensuring the stability of an asymmetric federation is assessed, where regions are viewed as sources of risks and resources requiring coordination with the federal center. The importance of education in the reproduction of human capital, adaptation to demographic changes, and countering ideological threats through soft power is emphasized. The inadequacy of existing research, dominated by military-political interpretations that ignore the discursive mechanisms of institutionalization, is revealed. The research's novelty lies in its identification of the transformation of Russian political elites' rhetoric regarding national security from 1997 to 2025. For the first time, it demonstrates that regional and educational factors are institutionalized in official discourse as priority elements of the modern security model, and substantiates the transition to a sovereignty-centric and mobilization-based model, within which elite rhetoric shapes the hierarchy of threats and the normative framework of political governance. The results bridge the gap between official discourse and its theoretical understanding, contributing to a deeper understanding of the mechanisms of state resilience in the face of geopolitical confrontation and internal consolidation pressures.

Keywords: national security, political rhetoric, Russian elites, regional development, education, patriotic education, sovereignty.

Financing information: this research received no external funding.

For citation: Savinov, L.V., Mik, I.A. (2026). Transformation of national security priorities in the rhetoric of Russian elites: regional and educational factors. Public administration and law, 3(11), 179-192. EDN: SQCNDA

Введение

В современной политической науке национальная безопасность рассматривается как многомерное явление, включающее военные, экономические, социальные и культурные аспекты [1, с. 1]. Классические подходы (Г. Моргентау, К. Уолтц) акцентируют внешние угрозы и баланс сил, тогда как конструктивистская парадигма (А. Вендт, Б. Бузан) подчёркивает дискурсивную и социальную природу угроз [2, с. 125; 3, с. 12; 4, с. 15]. В российском контексте это выражается в переходе от узкооборонного подхода 1990-х гг. к комплексному пониманию безопасности, включающему внутренние социокультурные факторы [5]. В этой логике безопасность трактуется как целостная конструкция, т. к. «безопасность является многомерной конструкцией, включающей взаимосвязанные физический, экономический, социальный, культурный и ценностно-нормативный компоненты, требующие согласованной политики», что делает дискурсивное

© Savinov L.V., Mik I.A., 2026

оформление приоритетов неотъемлемым элементом её институционализации [59].

Особую значимость приобретает дискурсивный подход, разработанный в работах М. Фуко, Т. ван Дейка и Н. Фэркло, согласно которому политическая риторика выступает механизмом легитимации власти и институционализации приоритетов [6, с. 9; 7, с. 2; 8, с. 9]. Риторика элит формирует «режим истины» о безопасности, определяя, какие угрозы признаются легитимными и какие меры – оправданными. В отечественной литературе подчёркивается специфика российского дискурса, в рамках которого безопасность осмысляется через призму цивилизационной идентичности и суверенитета [9, с. 7; 10, с. 6; 11, с. 5].

Региональная составляющая национальной безопасности теоретически обосновывается в рамках федерализма и многоуровневого управления [12, с. 95; 13, с. 831]. В условиях асимметричной федерации регионы выступают как источники рисков и одновременно как ресурсы устойчивости. В российской научной литературе региональная безопасность рассматривается как подсистема национальной безопасности, требующая координации между федеральным центром и субъектами РФ, что отражается в официальной риторике элит [14, с. 36; 15, с. 10].

Образовательный фактор национальной безопасности опирается на теорию человеческого капитала и концепцию «мягкой силы», рассматривающие образование как стратегический ресурс развития и влияния [1, с. 5; 16-20]. Образование выполняет функции социализации, формирования идентичности и подготовки кадров, становясь инструментом противодействия идеологическим и ценностным вызовам. Поэтому в работах отечественных авторов патриотическое воспитание интерпретируется как элемент безопасности и профилактики экстремизма [21, с. 411].

В риторике российских политических элит за последние десятилетия прослеживается трансформация представлений о национальной безопасности, отражающая смену приоритетов государственного развития и источников угроз. В конце 1990-х гг. доминировала экономико-технократическая модель, в 2000-е гг. акценты сместились к суверенитету и управляемости, а с 2010-х гг. – к демографическим и технологическим вызовам. В 2020-е гг., на фоне геополитического противостояния и санкционного давления, приоритеты всё более ориентируются на защиту традиционных ценностей, региональную устойчивость и внутреннюю консолидацию общества, что формирует комплексную социокультурную модель национальной безопасности. Под риторикой элит понимается совокупность публичных выступлений, стратегических документов и материалов экспертных дискуссий, обладающих нормативным влиянием на государственную политику. Информационную базу исследования составляют официальные материалы Президента РФ, Совета Безопасности, Государственного совета, Совета Федерации и Государственной Думы.

Научная проблема исследования заключается в недостаточной разработанности дискурсивного анализа трансформации национальной безопасности в риторике российских политических элит, прежде всего в части регионального и образовательного факторов, которые в существующих исследованиях обычно рассматриваются как вторичные социально-экономические ресурсы, а не как самостоятельные элементы системы безопасности. Доминирование военно-политических и внешнеполитических интерпретаций, а также фокус на формально закреплённых стратегических приоритетах не позволяют в полной мере раскрыть механизмы их формирования и институционализации в публичной риторике элит и проследить трансформацию регионального развития и образования от периферийных факторов к ключевым компонентам государственной устойчивости. В результате сохраняется разрыв между расширением содержания национальной безопасности в официальном дискурсе и его теоретическим и нормативным осмыслением, что обуславливает необходимость комплексного анализа долгосрочной трансформации риторики национальной безопасности и логики включения регионального и образовательного факторов в её современную модель [1].

Цель исследования

Цель исследования – выявить и обосновать дискурсивную институционализацию регионального и образовательного факторов как приоритетных элементов современной российской модели национальной безопасности. Объект исследования – риторика российских политических элит в сфере национальной безопасности (1997-2025 гг.) как элемент политического управления и формирования государственной политики. Предмет исследования – трансформация дискурсивных приоритетов национальной безопасности в риторике российских политических элит, выражающаяся в институционализации регионального и образовательного факторов как ключевых элементов современной российской модели национальной безопасности.

Методы исследования

Методической основой исследования служит критический дискурсивный анализ, позволяющий выявить доминирующие фреймы, идеологические сдвиги и нормативные установки в текстах политических элит.

Хронологический подход применяется для фиксации этапов трансформации приоритетов.

Научная новизна исследования заключается в полученных результатах анализа трансформации риторики российских политических элит о национальной безопасности в 1997-2025 гг. В работе впервые системно показано, что региональный и образовательный факторы институционализируются в официальной риторике как приоритетные элементы современной российской модели национальной безопасности, а не как вспомогательные социально-экономические направления. Обосновано, что в ходе трансформации дискурса происходит переход от экономико-технократической к суверенитетоцентричной и мобилизационной модели безопасности, в рамках которой образование и региональная политика выполняют функции воспроизводства ценностного, демографического и технологического суверенитета. Доказано, что риторика политических элит выступает самостоятельным механизмом формирования и закрепления приоритетов национальной безопасности, задавая иерархию угроз и нормативные рамки политического управления.

Результаты исследования и их обсуждения

Формирование основ: экономическая безопасность и роль регионов (1997-2001 гг.)

В конце 1990-х годов образование рассматривалось преимущественно как долгосрочный ресурс формирования человеческого капитала и обеспечения экономической устойчивости государства. В условиях структурного кризиса и ограниченности финансовых ресурсов инвестиции в человека интерпретировались как наиболее эффективный инструмент восстановления и модернизации экономики: «в стратегическом плане вложения в человека – самые эффективные...» (Л.И. Абалкин, 1997) [22, с. 51]. Образование в этот период осмысливалось прежде всего в логике экономической целесообразности и социального развития, а не как самостоятельный элемент системы национальной безопасности.

К началу 2000-х годов в официальном дискурсе происходит заметный сдвиг: образование перестаёт восприниматься исключительно как социальная сфера и начинает позиционироваться как структурный компонент национальной безопасности. В материалах и докладах Государственного совета РФ подчёркивается роль образования в обеспечении устойчивого экономического роста, адаптации к демографическим изменениям и повышении конкурентоспособности страны [23]. Особое внимание уделяется необходимости учёта региональной специфики при модернизации образовательной системы, что отражает ранние элементы территориально ориентированного подхода к безопасности: «образование ... становится одним из важнейших факторов национальной безопасности» (рабочая группа президиума Государственного совета, 2001) [23]. Таким образом, уже на данном этапе закладываются основы последующего расширения высказываний и нарративов, формирующих восприятие национальной безопасности в региональном и образовательном пространстве.

В результате дискурс национальной безопасности конца 1990-х годов формируется в условиях институционального кризиса и уязвимости государства, что предопределяет его экономико-технократическую направленность. Безопасность в публичных высказываниях элит конструируется преимущественно как функция макроэкономической стабилизации и управляемости, а образование и регионы включаются в эту рамку как ресурсы восстановления, а не как автономные политические факторы. Нарратив «инвестиций в человека» выполняет легитимирующую функцию, позволяя обосновать приоритет социальных расходов в условиях дефицита ресурсов и деполитизировать причины угроз, представленных как объективные последствия трансформационного кризиса. Региональная специфика признаётся лишь в управленческом, но не в политическом измерении, что маргинализирует альтернативные интерпретации, предполагающие расширение региональной субъектности. Идеологически данный дискурс воспроизводит образ государства как рационального «управленца», общества – как объекта модернизации, а гражданина – как носителя человеческого капитала, что ограничивает понимание безопасности экономическими и социальными параметрами.

Усиление внешнеполитического фактора: суверенитет и геополитические вызовы (2003-2006 гг.)

С 2003 года в риторике российских элит усиливается акцент на суверенитете и геополитических рисках, что приводит к переосмыслению роли многонациональных регионов в системе национальной безопасности. Межэтническая и межконфессиональная стабильность начинает трактоваться как необходимое условие сохранения государственного суверенитета, что прямо фиксируется в официальных выступлениях: «Сохранение социального, межэтнического и межрелигиозного мира...» (В.В. Путин, 2005) [24]. В рамках данной логики региональная адаптация федеральной политики приобретает значение механизма профилактики деструктивных и сепаратистских тенденций, а образование всё отчётливее осмысляется как

инструмент социализации и воспроизводства общегражданской идентичности.

В 2004 г. риторика элит усиливает критику глобализации и внешних угроз, подчёркивая необходимость собственной модели развития. Эти вызовы трактуются прежде всего как идеологические и ценностные, связанные с отсутствием общенационального консенсуса: «У нас до сих пор не выкристаллизовались общие ценности, которые для большинства народа явились бы определяющими нормами и идеалами» (А.А. Коробейников, материалы Экспертного совета, 2004) [25, с. 32]. В этом контексте региональный фактор безопасности связывается с рисками федеративной асимметрии и сепаратизма, что подчёркивает значимость учёта территориальной специфики при формировании политики национальной безопасности.

К 2005 г. риторика элит отражает качественную трансформацию представлений о национальной безопасности. Угрозы начинают осмысляться как комплексные, а демографические, идеологические и геополитические факторы рассматриваются во взаимосвязи [26, с. 4]. В данной логике образование приобретает значение не только социального института, но и механизма формирования ценностного единства и подготовки кадров для долгосрочного развития государства. Этот сдвиг свидетельствует о переходе от раздельного анализа угроз к их интеграции в модель национальной устойчивости.

В 2006 г. понимание национальной безопасности в риторике элит заметно усложняется: региональное развитие и демографическая динамика начинают рассматриваться как взаимосвязанные факторы устойчивости. Регионы осмысляются одновременно как пространства противодействия внешним угрозам и как зоны повышенных демографических рисков [27, с. 3]. В этой логике образование и патриотическое воспитание закрепляются как инструменты формирования кадрового и ценностного ресурса, отражая переход к интегрированной модели национальной безопасности.

Таким образом, в начале 2000-х годов в риторике российских элит происходит сдвиг к суверенитетоцентричной модели безопасности, в рамках которой ключевые угрозы конструируются как внешние и идеологические. Межэтническая и межконфессиональная стабильность включается в дискурс как условие сохранения государственного суверенитета, что позволяет переосмыслить региональное многообразие преимущественно как зону потенциальных рисков. Нарратив идеологического пробела и отсутствия общенационального консенсуса выполняет функцию символической интерпретации, легитимирующего усиление роли государства в сфере идентичности и социализации. Образование в этой логике начинает рассматриваться как инструмент формирования общегражданской идентичности и профилактики дестабилизации. Иерархизация угроз подчиняется задаче централизации управления, в то время как альтернативные модели, предполагающие многообразное понимание идентичности или расширение региональной автономии, вытесняются за пределы легитимного дискурса.

Интеграция и социальные модели: региональные особенности (2007-2008 гг.)

В 2007 г. в риторике усиливается внимание к социальным моделям регионального развития как фактору национальной устойчивости. Образование рассматривается как инновационный ресурс регионов, а демографическая проблематика всё чаще связывается с уязвимостью коренных малочисленных народов, что подчёркивает значимость региональной специфики в политике безопасности [28, с. 4].

В 2007-2008 гг. в риторике усиливается акцент на коллективных механизмах безопасности и проблемах интеграции на постсоветском пространстве. Геополитические и экономические ограничения трактуются как фактор, требующий самостоятельного стратегического выбора «По какому пути мы пойдём – сосредоточимся ли на своём внутреннем развитии… пойдём ли на определённые затраты ради того, чтобы заняться… собиранием земель… – это, … поистине исторический выбор» (А.И. Денисов, парламентские слушания, 14.03.2008) [29, с. 15]. В этом контексте вопросы суверенитета и региональной устойчивости приобретают особое значение. При этом интеграционные проекты рассматриваются как инструмент обеспечения национальной безопасности.

В 2008 г. в риторике усиливается внимание к внутренним структурным диспропорциям как источнику рисков национальной безопасности. Социально-экономическое неравенство регионов и масштаб бедности начинают рассматриваться как факторы, подрывающие устойчивость государства. «Неравенство уровней социально-экономического развития регионов… предельно велико» [30, с. 10]. В этом контексте культурные и конфессиональные особенности регионов трактуются не только как элемент идентичности, но и как потенциальный источник нормативных противоречий, требующий более гибкой и дифференцированной государственной политики.

Таким образом, в 2007-2008 гг. дискурс национальной безопасности усложняется за счёт интеграции социально-экономических, демографических и культурных факторов, а регионы начинают описываться как носители специфических социальных моделей, влияющих на общегосударствен-

ную устойчивость. При этом признание региональной специфики носит функциональный характер и не сопровождается расширением политической субъектности регионов. Нарратив интеграции используется для легитимации необходимости внутренней консолидации в условиях внешних ограничений и неопределённости, что представляется как безальтернативный «исторический выбор». Социально-экономическое неравенство регионов конструируется как структурная угроза безопасности, однако его причины деполитизируются, а возможные альтернативы перераспределения власти и ресурсов исключаются из дискурса. Идеологически закрепляется модель, в которой государство выступает интегратором и посредником, а регионы – объектами выравнивания и управляемой стабильности.

Региональная безопасность и человеческий капитал: интеграция с федеральными стратегиями (2009-2015 гг.)

К 2009 г. в риторике национальной безопасности арктический и северный (макрорегионы) факторы начинают рассматриваться через призму демографической устойчивости и сохранения культурного многообразия [22]. Демографические проблемы Севера интерпретируются как системный риск, затрагивающий социальную, экономическую и оборонную сферы «К ключевым демографическим проблемам … можно отнести устойчивые негативные демографические процессы…» [31, с. 80]. В этом контексте защита традиционных укладов жизни коренных народов рассматривается как элемент региональной безопасности и долгосрочного развития.

В официальном дискурсе начала 2010-х годов региональная безопасность институционализируется как самостоятельный фактор национальной безопасности. Она трактуется как состояние защищённости на уровне субъектов РФ: «Региональная безопасность – это состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства…» [32, с. 5]. В этой логике федеральные округа рассматриваются как ключевой механизм координации политики безопасности, а демографические процессы – как фактор, напрямую влияющий на устойчивость регионов и эффективность государственного управления.

В стратегических документах 2011 года, посвящённых развитию Северо-Кавказского федерального округа, противодействие экстремизму закрепляется как ключевой приоритет региональной безопасности. Межэтническая напряжённость и террористическая активность трактуются как системные угрозы, требующие комплексного ответа (Стратегия социально-экономического развития СКФО до 2025 года, 20.04.2011) [33]. Образовательные и воспитательные механизмы в данной логике рассматриваются как инструменты формирования общегражданской идентичности и профилактики радикализации, реализуемые через координацию соответствующих мер.

К 2013 г. межнациональные отношения окончательно закрепляются в риторике как фактор национальной безопасности, тесно связанный с системой образования и воспитания. Корректировка национальной политики сопровождается переосмыслением роли образования как инструмента социализации и формирования общегражданской идентичности. «Наша задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны» (В.В. Путин, заседание Совета по межнациональным отношениям, 19.02.2013) [34]. Патриотическое воспитание и миграционная политика в этом контексте рассматриваются как взаимосвязанные элементы профилактики демографических и социальных рисков.

В 2014 г. в официальной риторике устанавливается прямая связь между системой образования, национальной безопасностью и обеспечением государственного суверенитета. Суверенитет и территориальная целостность трактуются как фундаментальные ценности, требующие защиты не только военными, но и социально-институциональными средствами «Суверенитет и территориальная целостность – фундаментальные … ценности» (В.В. Путин, заседание президиума Совета по науке и образованию, 22.07.2014) [35]. В этом контексте образование и идеологическая автономия рассматриваются как элементы предотвращения внешнего влияния и сохранения стратегической самостоятельности государства.

К середине 2010-х годов патриотическое воспитание институционализируется как приоритет в политике национальной безопасности. Оно фокусируется на формировании ценностного единства и преодолении демографических, социальных рисков. «Приоритетная задача РФ – формирование новых поколений…» как стратегическая цель воспитательной политики [36]. События 2014-2015 годов усиливают его роль в консолидации общества под внешним давлением. В то же время региональные практики, такие как, например, кадетское образование, подтверждают эффективность модели и иллюстрируют трансформацию к мобилизационному подходу [37, с. 99].

В послании Федеральному Собранию 2015 года ключевые элементы национальной безопасности закладываются в рам-

ках единой концептуальной логики [38]. Суверенитет, демографическая динамика, культурное многообразие и патриотизм представлены как взаимозависимые основания государственной устойчивости. «Сила России – в свободном развитии всех народов…» (В.В. Путин, 03.12.2015) [38]. Тем самым риторика смещается от фрагментарного перечисления отдельных угроз к их концептуальному объединению, а национальная безопасность начинает осмысляться через призму глобального противостояния.

В результате, в начале 2010-х годов региональная безопасность институционализируется как самостоятельный уровень национальной безопасности, что отражает переход к многоуровневой управленческой логике. Угрозы всё чаще локализуются территориально и связываются с демографическими, межэтническими и социальными процессами, особенно в стратегически чувствительных регионах. Образование и воспитание встраиваются в дискурс как инструменты профилактики экстремизма и фрагментации, что переводит вопросы идентичности в сферу стратегического управления. Логика «угроз – ответов» приобретает институциональный характер, оправдывая усиление федеральной координации и программно-целевого подхода. Региональные различия признаются лишь в рамках федеральной архитектуры безопасности, а альтернативные интерпретации регионального развития маргинализируются. Идеологически формируется представление о государстве как носителе ценностного суверенитета и ключевом акторе консолидации общества.

Патриотизм и стратегии безопасности: ответ на геополитические вызовы (2016-2021 гг.)

В 2016-2021 гг. в риторике российских элит фиксируется сдвиг, при котором патриотизм институционализируется как функциональный элемент национальной безопасности. Образование при этом рассматривается как инструмент противодействия информационным, демографическим и идеологическим угрозам с учётом региональной специфики. В частности, в 2017 г. усиливается акцент на терроризме и экстремизме, трактуемых как формы внешнего воздействия: «…законспирированные ячейки международных террористических и экстремистских организаций…» (Н.П. Патрушев, интервью «Российской газете», 16.01.2017) [39]. Одновременно миграция включается в перечень факторов региональной безопасности, что отражает переход к комплексному и многоуровневому пониманию угроз.

В ходе парламентских слушаний 2017 года образование было обозначено как «долгоиграющая» сфера стратегического планирования, напрямую влияющая на конкурентоспособность и устойчивость государства [40]. Подчёркивалась прямая связь между уровнем образования, модернизацией экономики и способностью России противостоять внешнему научно-технологическому давлению [40]. Одновременно региональные диспропорции в финансировании и статусе педагогов рассматривались как фактор внутренней уязвимости системы [40].

На большой пресс-конференции 2017 года В.В. Путин последовательно связывает образование, культурное многообразие и демографию с задачами национальной безопасности. С одной стороны, подчёркивается значение языкового и культурного разнообразия как основы гражданской идентичности [41]. С другой – образование трактуется как превентивный инструмент против терроризма и социального радикализма, напрямую связанный с уровнем благосостояния и социальной справедливости [41].

В 2019 г. парламентские слушания зафиксировали углубление ранее обозначенных проблем и обозначили системный кризис регионального образования, связанный с кадровым дефицитом, инфраструктурными ограничениями и ростом административной нагрузки на педагогов [42]. В ситуации с педагогами подчёркивалось противоречие между декларируемой социальной значимостью профессии и реальными условиями труда, что рассматривалось как фактор угрозы устойчивому развитию регионов. Итогом слушаний стало закрепление установки на необходимость федеральной координации и институционализации предложенных мер [42].

К 2019 г. в официальной риторике формируется интегральная модель национальной безопасности: геополитические, технологические и идеологические угрозы трактуются как элементы гибридного давления. Технологическая независимость и суверенитет выступают ключевыми условиями противодействия внешнему воздействию на культурную и историческую идентичность: «Взращиваются национализм и неонацизм, неприкрытая русофобия…» (Н.П. Патрушев, 11.11.2019) [43]. Реализация этой логики на региональном уровне связывается с координацией мер по противодействию гибридным угрозам.

В 2020 г. образование в официальной риторике напрямую связывается с патриотическим воспитанием и формированием гражданской ответственности молодёжи, подчёркивая его роль в профилактике экстремизма, демографических и идеологических угроз: «Молодежь самым активным образом нужно привлекать к выполнению текущих задач…» (И.О. Щеголев, совещание Совета Безопасности по национальной безопасности в ЦФО, 30.10.2020) [44]. Военное и техническое образование по-

зиционируются как многофункциональные элементы национальной безопасности, сочетающие развитие человеческого капитала и технологическую независимость: «Военная академия … внесла огромный вклад в развитие науки, высшего военного и технического образования…» (В.В. Путин, 07.12.2020) [45]. Завершает данную логику фиксация проблематики системы образования, включая вопросы качества и кадрового обеспечения, а также их прямую связь с технологической независимостью в различных сферах и достижением общенациональных целей: «Учитель высшей категории в сельской местности при нагрузке 18 часов – это ставка учителя, получает столько же, сколько получает уборщица в этом же учебном заведении» (В.В. Путин, 17.12.2020) [46].

В 2021 г. в дискурсе Совета Безопасности акцент смещается на международный фактор противодействия терроризму как ключевому фактору региональной и глобальной нестабильности. Террористические угрозы трактуются как транснациональные и тесно связанные с геополитическими процессами, включая военные конфликты и разрушение государственности. «Отступление же от принципов безальтернативного осуждения международного терроризма … создаёт иллюзию вседозволенности» (Ю.А. Коков, 06.10.2021) [47]. В этой логике противодействие терроризму рассматривается как коллективная задача, требующая координации усилий на международном, межведомственном и региональном уровнях.

В интервью 2021 года А.Н. Гребенкин концептуализирует пограничную безопасность как производную общей военно-политической и геополитической нестабильности, что отражает завершающий этап доминирования пограничной логики в дискурсе национальной безопасности [48]. Тем самым миграционные, террористические и информационные угрозы окончательно объединяются в логике гибридного воздействия и противодействия им. Это фиксирует переход к интегральному пониманию национальной безопасности и обосновывает необходимость институционального и технологического усиления государственной границы [48].

Таким образом, в 2016-2021 гг. патриотизм окончательно институционализируется как функциональный элемент дискурса национальной безопасности, интегрирующий геополитические, идеологические и социальные угрозы. Терроризм, миграция, информационное воздействие и технологическая зависимость объединяются в нарратив гибридного давления, что расширяет поле безопасности до культурной и образовательной сфер. Образование конструируется как стратегический ресурс долгосрочной устойчивости, а региональные проблемы в этой сфере интерпретируются как угрозы национального масштаба, требующие федерального вмешательства. Иерархизация угроз подчинена мобилизационной логике, в рамках которой внутренние противоречия включаются в рамку внешнего давления. Формально технократическая риторика маскирует усиление нормативных ожиданий от гражданина, где лояльность и патриотизм становятся элементами безопасности.

Современные трансформации (2022-2025 гг.): от пограничной безопасности к суверенитету и технологической независимости

В период 2022-2025 годов в официальном дискурсе российских политических элит фиксируется качественная трансформация представлений о национальной безопасности. Если ранее доминировала логика внешнеполитического сдерживания и пограничной стабильности, то начиная с 2022 года национальная безопасность всё более интерпретируется как комплексная, многоуровневая категория, включающая демографические процессы, человеческий капитал, региональное развитие, образование и технологическую независимость. Суверенитет при этом выдвигается в качестве системообразующего принципа, интегрирующего различные направления государственной политики.

Этот сдвиг институционально и дискурсивно закрепился на фоне резкого обострения внешнеполитической обстановки, военного противостояния и усиления санкционного давления. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 21 февраля 2023 года подчёркивается, что ключевые стратегические решения государства принимаются исходя из задачи защиты населения и сохранения суверенитета, в т. ч. в контексте военного противостояния [49]. Таким образом, национальная безопасность в официальной риторике перестаёт трактоваться исключительно как военная или внешнеполитическая категория и всё в большей степени осмысливается как комплексное явление с доминирующим внутренним фактором.

Одним из ключевых направлений трансформации приоритетов национальной безопасности в 2022-2024 гг. становится региональный аспект. Интеграция новых субъектов Российской Федерации в официальной риторике трактуется не как сугубо административная задача, а как элемент обеспечения территориальной целостности, политической стабильности и долгосрочной устойчивости государства [49].

На заседании Совета Безопасности РФ (5 апреля 2023 г.) акцент был сделан на необходимости ускоренной интеграции новых регионов в единое экономическое, правовое и образовательное простран-

ство страны [50]. Региональная политика в данном контексте приобретает характер инструмента национальной безопасности, направленного на предотвращение социально-экономической фрагментации и минимизацию внешних и внутренних рисков. Одновременно подчёркивается наличие внешне поддерживаемых угроз – террористических, информационных и идеологических, – что усиливает интерпретацию регионального развития как элемента оборонной и суверенной стратегии.

С этим тесно увязывается миграционная проблематика. С 2022 года миграционная политика всё более чётко позиционируется как чувствительная и системообразующая сфера национальной безопасности. Корректировка нормативной базы и последующее принятие концепции государственной миграционной политики на 2026-2030 годы отражают необходимость учёта демографических рисков, интеграции новых территорий и предотвращения социально-политической дестабилизации [51].

Санкционное давление, усилившееся с 2022 года, существенно расширило трактовку угроз национальной безопасности. Санкции интерпретируются не только как экономическое воздействие, но и как попытка подрыва научно-технологического и интеллектуального потенциала страны, включая стремление внешних акторов к установлению «информационной и научно-технологической блокады» (Д.А. Медведев, заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации) [52].

В ответ формируется установка на технологический суверенитет, где человеческий капитал признаётся ключевым ресурсом. Наука, образование и подготовка кадров становятся стратегическими элементами самостоятельного развития и воспроизводства критических компетенций [53]. Демографические процессы при этом приобретают геополитическое значение, напрямую связанное с воспроизводством трудовых, научных и оборонных ресурсов, а также с региональной устойчивостью.

Особое место в трансформации приоритетов национальной безопасности занимает фактор образования. В 2022-2024 гг. образование всё более отчётливо институционализируется в риторике как механизм внутренней консолидации общества и подготовки граждан к защите государства. Патриотическое воспитание, формирование ценностных установок и исторической идентичности трактуются как ответ на внешние идеологические вызовы и попытки воздействия на общественное сознание [54].

Выступления Н.П. Патрушева подчёркивают роль образования и воспитания в противостоянии идеологическим вызовам, направленным на молодёжь и историческую память [55]. Патриотическое воспитание при этом институционализируется в школьной системе через специальные практики и федеральные проекты [56].

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию 29 февраля 2024 года демографическая проблематика напрямую увязывается с культурными и образовательными ориентирами, а наставничество и воспитание рассматриваются как факторы национальной безопасности и долгосрочной устойчивости государства [57]. Это позволяет интерпретировать данный сдвиг как переход к мобилизационной модели национальной безопасности, в рамках которой образовательная политика становится частью оборонной и суверенной стратегии.

Логическим продолжением суверенитетоцентричной модели становится её экстраполяция на наднациональный уровень. В 2025 г. С.К. Шойгу интерпретирует новую концепцию безопасности Союзного государства России и Белоруссии как ответ на совокупное давление (идеологическое, экономическое, технологическое и военное) на суверенитет союзных государств [58]. Это отражает расширение понимания национальной безопасности за пределы национального государства и закрепление комплексного подхода к угрозам в союзнических интеграционных форматах.

Таким образом, в 2022-2025 гг. в риторике российских политических элит фиксируется трансформация приоритетов национальной безопасности. Она происходит от преимущественно пограничной и внешнеполитической логики. Переход идёт к суверенитетоцентричной и внутренне ориентированной модели. В этой модели суверенитет выступает системообразующим принципом. Он объединяет военные, экономические, демографические, региональные и образовательные факторы. Национальная безопасность переосмысливается как целостная система. В ней внутренние социальные, демографические и ценностные процессы приобретают сопоставимую значимость. Это сравнимо с традиционными военно-политическими угрозами. Региональное развитие, миграционная политика и интеграция территорий интерпретируются как ключевые инструменты. Они обеспечивают территориальную целостность и устойчивость государства. Санкционное давление в данном дискурсе конструируется как экзистенциальная угроза. Это угроза интеллектуальному и технологическому потенциалу страны. Она легитимирует институционализацию образования, науки и патриотического воспитания. Эти элементы становятся частью мобилизационной стратегии и воспроизводства суверенитета. При этом формально нейтральная стратегическая риторика выполняет функцию норматив-

ного политического управления. Она расширяет поле национальной безопасности и одновременно сужает спектр допустимых альтернатив.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о системной трансформации риторики национальной безопасности в дискурсе российских политических элит в период 1997-2025 гг., выражающейся в переходе от экономико-технократической и внешнеполитически ориентированной модели к суверенитетоцентричной и внутренне интегрированной логике. Национальная безопасность в данной риторике переосмысливается как комплексная система, в которой внутренние социальные, демографические, региональные и образовательные процессы приобретают сопоставимую значимость с традиционными военно-политическими факторами.

На основе критического дискурсивного анализа показано, что региональный и образовательный факторы последовательно институционализируются в качестве ключевых элементов обеспечения территориальной целостности, демографической устойчивости и воспроизводства суверенитета. Региональное развитие, миграционная политика и интеграция территорий конструируются как инструменты внутренней безопасности, тогда как образование, наука и патриотическое воспитание закрепляются в дискурсе как механизмы мобилизационной стратегии и защиты интеллектуального и технологического потенциала государства.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что риторика политических элит выполняет не только отражательную, но и конструктивную функцию, формируя нормативные рамки национальной безопасности и расширяя её дискурсивные границы. Формально нейтральный стратегический язык при этом выступает инструментом политического управления, легитимируя перераспределение приоритетов безопасности и сужение спектра допустимых политических альтернатив.

Теоретический вклад исследования заключается в уточнении политологического понимания национальной безопасности как динамической дискурсивной конструкции, а также в раскрытии механизмов включения регионального и образовательного измерений в её современную модель. Практическая значимость работы состоит в возможности использования полученных выводов в исследованиях стратегического планирования, федеративных отношений и государственной образовательной политики, а также в прикладных дискурс-аналитических исследованиях сферы безопасности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мик И.А. Национальная безопасность: общероссийские приоритеты на региональном уровне. Вестник Российской нации. 2024. № 6. С. 37-47. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=75140036.
2. Morgenthau H.J. Politics among nations. The struggle for power and peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948. 489 p.
3. Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
4. Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security: a new framework for analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p. DOI: 10.1515/9781685853808.
5. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 02.07.2021 № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/.
6. Foucault M. The archaeology of knowledge. London: Routledge, 1972. 245 p.
7. Fairclough N. Critical discourse analysis: the critical study of language. London: Longman, 1995. 265 p.
8. Van Dijk T.A. Discourse and power. New York: Palgrave Macmillan, 2008. 308 p.
9. Кокошин А.А. О стратегической стабильности в современном мире. Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 7-22.
10. Караганов С.А. Россия в мире силы. Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 6-21.
11. Якунин В.И. Цивилизационная идентичность России. Москва: Научный эксперт, 2019. 352 с.
12. Dahl R.A. Federalism and the democratic process. Liberal democracy: Nomos XXV / ed. by J.R. Pennock, J.W. Chapman. New York: New York University Press, 1983. P. 95-108.
13. Ostrom V., Tiebout C.M., Warren R. The organization of government in metropolitan areas: a theoretical inquiry. American Political Science Review. 1961. Vol. 55, № 4. P. 831-842.
14. Гельман В.Я. Региональная власть в России: эволюция и трансформация. Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 36-52.
15. Лапина Н.Ю. Региональная политика в условиях федеративной асимметрии. Москва: РАНХиГС, 2021. 296 с.
16. Schultz T.W. Investment in human capital. The American Economic Review. 1961. Vol. 51, № 1. P. 1-17.
17. Becker G.S. Human capital: a theoretical and empirical analysis, with special reference to education. 3rd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1993. 412 p.
18. Nye J.S., Jr. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
19. Nye J. S., Jr. Soft power: the means to success in world politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
20. Nye J.S., Jr. Soft power and higher education / Forum for the Future of Higher Education. EDUCAUSE, 2005. URL: https://library.educause.edu/resources/2005/1/soft-power-and-higher-education.
21. Садовничий В.А. Образование как фактор национальной безопасности. Вестник Российской академии наук. 2022. № 5. С. 403-411.
22. Материалы международной конференции «Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики» (апрель 1997 г.) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 01.04.1997. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d45d432e61da38f3fc.pdf.

23. Доклад рабочей группы президиума Государственного совета Российской Федерации по вопросам реформы образования «Образовательная политика России на современном этапе» / Президент России. 29.08.2001. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/21905.
24. Торжественное собрание, посвящённое 1000-летию Казани / Президент России. 26.08.2005. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/23140.
25. Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам (2004 год) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2004. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f243403159cba92.pdf.
26. Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам (2005 год) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2005. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2434089dd8618b.pdf.
27. Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение. Сборник материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам (2006 год) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2006. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2436e3a6054c18.pdf.
28. Социальные модели регионов России и инновационный фактор их устойчивого развития: Сборник материалов заседания Научно-экспертного совета при Председателе Совета Федерации (6 июля 2007 года) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 06.07.2007. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2437481c117095.pdf.
29. Экономическая интеграция в рамках Содружества Независимых Государств: проблемы, перспективы, правовое обеспечение: Материалы парламентских слушаний (14 марта 2008 года) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 14.03.2008. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2439d8a1e08a3a.pdf.
30. Основные направления преодоления диспропорций социально-экономического развития регионов России: Сборник материалов заседания Научно-экспертного совета (26 мая 2008 года) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 26.05.2008. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2439508e2694f6.pdf.
31. Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации: Научно-информационный бюллетень (выпуск 10, октябрь 2009 года) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2009. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f66198b075f.pdf.
32. Роль и место региональной безопасности в общегосударственной системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: Аналитический вестник / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 26.10.2010. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d44f2442cf2e622fef.pdf.
33. Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года / Северо-Кавказский федеральный округ. 20.04.2011. URL: http://skfo.gov.ru/district/soc/sed/.
34. Заседание Совета по межнациональным отношениям / Президент России. 19.02.2013. URL: http://www.kremlin.ru/events/councils/17536.
35. По вопросам обеспечения суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации / Совет Безопасности Российской Федерации. 22.07.2014. URL: http://www.scrf.gov.ru/council/session/2058/.
36. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2015. URL: http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf.
37. Патриотическое воспитание молодёжи в Российской Федерации: состояние, проблемы и направления развития (информационные материалы к круглому столу 21 мая 2015 года) / Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 21.05.2015. URL: http://council.gov.ru/media/files/APbuAgAbqlyaSRfFABb92ElAWED4RHPz.pdf.
38. Президент РФ Владимир Путин обратился к Федеральному собранию с ежегодным Посланием / Северо-Западный федеральный округ. 03.12.2015. URL: http://szfo.gov.ru/press/events/78/.
39. Интервью Н.П. Патрушева «Российской газете» / Совет Безопасности Российской Федерации. 16.01.2017. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2148/.
40. Парламентские слушания Комитета по образованию и науке / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 21.11.2017. URL: http://duma.gov.ru/news/24523/.
41. Большая пресс-конференция Президента РФ Владимира Путина / Северо-Западный федеральный округ. 14.12.2017. URL: http://szfo.gov.ru/press/events/1743/.
42. Парламентские слушания «О мерах по повышению качества образования в Российской Федерации» / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. 24.06.2019. URL: http://duma.gov.ru/news/45416/.
43. Патрушев: США стремятся избавиться от международно-правовых рамок. Российская газета. 11.11.2019. URL: https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-stremiatsia-izbavitsia-ot-mezhdunarodno-pravovyh-ramok.html.
44. Актуальные вопросы национальной безопасности в ЦФО обсудили на совещании Совета Безопасности России / Центральный федеральный округ. 30.10.2020. URL: http://cfo.gov.ru/news/news_2020/50606/.
45. В.В. Путин: Военная академия РВСН внесла огромный вклад в развитие науки, высшего военного и технического образования в России / Центральный федеральный округ. 07.12.2020. URL: http://cfo.gov.ru/news/news_2020/50668/.
46. Большая пресс-конференция Владимира Путина / Президент России. 17.12.2020. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/64671.
47. В СБ РФ заявили, что отказ осуждения любого терроризма в мире опасен / ТАСС. 06.10.2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/12594725.
48. Совбез РФ: Возросли риски провокаций в Чёрном море и Арктике. Российская газета. 21.11.2021. URL: https://rg.ru/2021/11/21/sovbez-rf-vozrosli-riski-provokacij-v-chernom-more-i-arktike.html.
49. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию / Президент России. 21.02.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70565.
50. Заседание Совета Безопасности Российской Федерации / Президент России. 05.04.2023. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/70870.

51. Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 2025 г. № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026-2030 годы» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055.
52. Заседание президиума Совета при Президенте Российской Федерации по науке и образованию / Совет Безопасности Российской Федерации. 26.12.2022. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3407/.
53. Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Николай Патрушев ответил на вопросы еженедельника «Аргументы и факты» / Совет Безопасности Российской Федерации. 11.01.2023. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3409/.
54. Секретарь Совета Безопасности России Николай Патрушев принял участие в марафоне «Знание. Первые» / Совет Безопасности Российской Федерации. 07.11.2023. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3587/.
55. Патрушев Н.П. Николай Патрушев – о Западе и Украине. Аргументы и факты. 11.01.2023. URL: https://aif.ru/politics/world/rossiyu_hotyat_prevratit_v_moskoviyu_nikolay_patrushev_o_zapade_i_ukraine.
56. Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» / Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/.
57. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию / Президент России. 29.02.2024. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/73585.
58. Шойгу С.К.: концепция безопасности Союзного государства в сложных мировых условиях необходима / БелТА. 24.01.2025. URL: https://belta.by/society/view/shojgu-kontseptsija-bezopasnosti-sojuznogo-gosudarstva-v-slozhnyh-mirovyh-uslovijah-neobhodima-690952-2025/.
59. Савинов Л.В., Скорых Н.Н., Суходаева Т.С. Этнические аспекты безопасности: политологическое понимание. Государственное управление и право. 2025. № 2(6). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83003304.

Информация об авторах
Савинов Леонид Вячеславович – доктор политических наук, профессор, кафедра государственного и муниципального управления
Мик Иван Александрович – кандидат технических наук, кафедра государственного и муниципального управления

REFERENCES

1. Mik, I.A. (2024). National security: All-Russian priorities at the regional level. Vestnik Rossiiskoi natsii, (6), 37-47. https://elibrary.ru/item.asp?id=75140036/. (In Russ.)
2. Morgenthau, H.J. (1948). Politics among nations: The struggle for power and peace. Alfred A. Knopf. 489 p.
3. Wendt, A. (1999). Social theory of international politics. Cambridge University Press. 429 p.
4. Buzan, B., Wæver, O., & de Wilde, J. (1998). Security: A new framework for analysis. Lynne Rienner Publishers. https://doi.org/10.1515/9781685853808
5. Russian Federation. (2021, July 2). On the National Security Strategy of the Russian Federation (Decree No. 400). ConsultantPlus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/. (In Russ.)
6. Foucault, M. (1972). The archaeology of knowledge. Routledge. 245 p.
7. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: The critical study of language. Longman. 265 p.
8. Van Dijk, T.A. (2008). Discourse and power. Palgrave Macmillan. 308 p.
9. Kokoshin, A.A. (2018). On strategic stability in the modern world. Polis. Political Studies, (4), 7-22. (In Russ.)
10. Karaganov, S.A. (2020). Russia in a world of power. Russia in Global Affairs, (3), 6-21. (In Russ.)
11. Yakunin, V.I. (2019). Civilizational identity of Russia. Scientific Aspect. 352 p. (In Russ.)
12. Dahl, R.A. (1983). Federalism and the democratic process. In J.R. Pennock & J.W. Chapman (Eds.), Liberal democracy: Nomos XXV (pp. 95-108). New York University Press.
13. Ostrom, V., Tiebout, C.M., & Warren, R. (1961). The organization of government in metropolitan areas: A theoretical inquiry. American Political Science Review, 55(4), 831-842.
14. Gel'man, V.Ya. (2019). Regional power in Russia: Evolution and transformation. Polis. Political Studies, (2), 36-52. (In Russ.)
15. Lapina, N.Yu. (2021). Regional policy in conditions of federal asymmetry. RANEPA. 296 p. (In Russ.)
16. Schultz, T.W. (1961). Investment in human capital. The American Economic Review, 51(1), 1-17.
17. Becker, G.S. (1993). Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education (3rd ed.). University of Chicago Press. 412 p.
18. Nye, J.S., Jr. Bound to lead: the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. 307 p.
19. Nye, J.S., Jr. Soft power: the means to success in world politics. New York: PublicAffairs, 2004. 191 p.
20. Nye, J.S., Jr. Soft power and higher education / Forum for the Future of Higher Education. EDUCAUSE, 2005. URL: https://library.educause.edu/resources/2005/1/soft-power-and-higher-education.
21. Sadovnichii, V.A. (2022). Education as a factor of national security. Herald of the Russian Academy of Sciences, (5), 403-411. (In Russ.)
22. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (1997, April). Materials of the international conference “The role of the state in the formation and regulation of the market economy” (April 1997). http://council.gov.ru/media/files/41d45d432e61da38f3fc.pdf. (In Russ.)
23. Working group of the Presidium of the State Council of the Russian Federation. (2001, August 29). Report of the working group of the Presidium of the State Council of the Russian Federation on education reform “Educational policy of Russia at the present stage”. President of Russia. http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/21905. (In Russ.)
24. President of Russia. (2005, August 26). Solemn meeting dedicated to the 1000th anniversary of Kazan. http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/23140. (In Russ.)
25. Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs. (2004). Russia in the new century: Foreign policy dimension. Collection of materials from meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs (2004). Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://council.gov.ru/media/files/41d44f243403159cba92.pdf. (In Russ.)

26. Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs. (2005). Russia in the new century: Foreign policy dimension. Collection of materials from meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs (2005). Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://council.gov.ru/media/files/41d44f2434089dd8618b.pdf. (In Russ.)
27. Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs. (2006). Russia in the new century: Foreign policy dimension. Collection of materials from meetings of the Expert Council of the Federation Council Committee on International Affairs (2006). Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://council.gov.ru/media/files/41d44f2436e3a6054c18.pdf. (In Russ.)
28. Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council. (2007, July 6). Social models of Russian regions and the innovation factor of their sustainable development: Collection of materials from the meeting of the Scientific and Expert Council under the Chairman of the Federation Council (July 6, 2007). Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://council.gov.ru/media/files/41d44f2437481c117095.pdf. (In Russ.)
29. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2008, March 14). Economic integration within the Commonwealth of Independent States: Problems, prospects, legal support: Materials of parliamentary hearings (March 14, 2008). http://council.gov.ru/media/files/41d44f2439d8a1e08a3a.pdf. (In Russ.)
30. Scientific and Expert Council. (2008, May 26). Main directions for overcoming disparities in the socio-economic development of Russian regions: Collection of materials from the meeting of the Scientific and Expert Council (May 26, 2008). Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://council.gov.ru/media/files/41d44f2439508e2694f6.pdf. (In Russ.)
31. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2009, October). Problems of the North and Arctic of the Russian Federation: Scientific and information bulletin (issue 10, October 2009). http://council.gov.ru/media/files/41d44f243f66198b075f.pdf. (In Russ.)
32. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2010, October 26). The role and place of regional security in the national system of ensuring the national security of the Russian Federation: Analytical bulletin. http://council.gov.ru/media/files/41d44f2442cf2e622fef.pdf. (In Russ.)
33. North Caucasus Federal District. (2011, April 20). Strategy for socio-economic development of the North Caucasus Federal District until 2025. http://skfo.gov.ru/district/soc/sed/ (In Russ.)
34. Council on Interethnic Relations. (2013, February 19). Meeting of the Council on Interethnic Relations. President of Russia. http://www.kremlin.ru/events/councils/17536. (In Russ.)
35. Security Council of the Russian Federation. (2014, July 22). On issues of ensuring the sovereignty and territorial integrity of the Russian Federation. http://www.scrf.gov.ru/council/session/2058/ (In Russ.)
36. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2015). Strategy for the development of education in the Russian Federation until 2025. http://council.gov.ru/media/files/41d536d68ee9fec15756.pdf. (In Russ.)
37. Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2015, May 21). Patriotic education of youth in the Russian Federation: State, problems and directions of development (information materials for the round table on May 21, 2015). http://council.gov.ru/media/files/APbuAgAbqlyaSRfFABb92ElAWED4RHPz.pdf. (In Russ.)
38. North-Western Federal District. (2015, December 3). President of the Russian Federation Vladimir Putin addressed the Federal Assembly with an annual Message. http://szfo.gov.ru/press/events/78/. (In Russ.)
39. Patrushev, N. P. (2017, January 16). Interview of N.P. Patrushev to "Russian Newspaper". Security Council of the Russian Federation. http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/2148/ (In Russ.)
40. Committee on Education and Science. (2017, November 21). Parliamentary hearings of the Committee on Education and Science. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. http://duma.gov.ru/news/24523/. (In Russ.)
41. North-Western Federal District. (2017, December 14). Large press conference of the President of the Russian Federation Vladimir Putin. http://szfo.gov.ru/press/events/1743/. (In Russ.)
42. State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2019, June 24). Parliamentary hearings "On measures to improve the quality of education in the Russian Federation". http://duma.gov.ru/news/45416/. (In Russ.)
43. Russian Newspaper. (2019, November 11). Patrushev: The US is trying to get rid of international legal frameworks. https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-stremiatsia-izbavitsia-ot-mezhdunarodno-pravovyh-ramok.html. (In Russ.)
44. Central Federal District. (2020, October 30). Current issues of national security in the Central Federal District were discussed at the meeting of the Security Council of Russia. http://cfo.gov.ru/news/news_2020/50606/. (In Russ.)
45. Central Federal District. (2020, December 7). V.V. Putin: The Military Academy of the Strategic Missile Forces made a huge contribution to the development of science, higher military and technical education in Russia. http://cfo.gov.ru/news/news_2020/50668/. (In Russ.)
46. President of Russia. (2020, December 17). Large press conference of Vladimir Putin. http://kremlin.ru/events/president/news/64671. (In Russ.)
47. TASS. (2021, October 6). The Security Council of the Russian Federation stated that refusing to condemn any terrorism in the world is dangerous. https://tass.ru/obschestvo/12594725. (In Russ.)
48. Russian Newspaper. (2021, November 21). Security Council of the Russian Federation: Risks of provocations in the Black Sea and Arctic have increased. https://rg.ru/2021/11/21/sovbez-rf-vozrosli-riski-provokacij-v-chernom-more-i-arktike.html. (In Russ.)
49. President of Russia. (2023, February 21). Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. http://kremlin.ru/events/president/news/70565. (In Russ.)
50. President of Russia. (2023, April 5). Meeting of the Security Council of the Russian Federation. http://kremlin.ru/events/president/news/70870. (In Russ.)
51. Russian Federation. (2025, October 15). Decree of the President of the Russian Federation dated October 15, 2025 No. 738 "On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2026-2030". Official Internet portal of legal information. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510150055. (In Russ.)

52. Council under the President of the Russian Federation for Science and Education. (2022, December 26). Meeting of the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Science and Education. Security Council of the Russian Federation. http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3407/. (In Russ.)
53. Patrushev, N.P. (2023, January 11). Secretary of the Security Council of the Russian Federation Nikolai Patrushev answered questions from the weekly "Arguments and Facts". Security Council of the Russian Federation. http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3409/. (In Russ.)
54. Patrushev, N.P. (2023, November 7). Secretary of the Security Council of Russia Nikolai Patrushev took part in the marathon "Knowledge. First". Security Council of the Russian Federation. http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3587/. (In Russ.)
55. Patrushev, N.P. (2023, January 11). Nikolai Patrushev – about the West and Ukraine. Arguments and Facts. https://aif.ru/politics/world/rossiyu_hotyat_prevratit_v_moskoviyu_nikolay_patrushev_o_zapade_i_ukraine. (In Russ.)
56. Ministry of Education of the Russian Federation. (n.d.). Federal project "Patriotic education of citizens of the Russian Federation". https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/. (In Russ.)
57. President of Russia. (2024, February 29). Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly. http://kremlin.ru/events/president/news/73585. (In Russ.)
58. Shoigu, S.K. (2025, January 24). The concept of security of the Union State in difficult world conditions is necessary. BelTA. https://belta.by/society/view/shojgu-kontseptsija-bezopasnosti-sojuznogo-gosudarstva-v-slozhnyh-mirovyh-uslovijah-neobhodima-690952-2025/. (In Russ.)
59. Savinov, L.V., Skorykh, N.N., Sukhodaeva, T.S. (2025). Ethnic aspects of security: political science understanding. Public Administration and Law, 2(06). URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83003304. (In Russ.)

Information about the authors
Leonid V. Savinov – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of State and Municipal Administration
Ivan A. Mik – Candidate of Technical Sciences, Department of State and Municipal Administration

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторы заявляют, что генеративные модели искусственного интеллекта не применялись при подготовке данной рукописи.
The authors declare that no generative AI models were used in the preparation of this manuscript.

Поступила в редакцию (Reserved) 04.01.2026
Поступила после рецензирования 27.01.2026
Принята к публикации (Accepted) 08.09.2026